

Плейлист

- Within Temptation — «Somewhere»
BrunuhVille — «Solitude»
Theodore B. Tringo и Autumn Tears — «Another Day»
The Sweeplings — «Chains»
Delain — «Here Come The Vulture»
Nick Pheonix — «Little Ben»
Nick Pheonix — «The World is Mine»
Malukah — «Sinking Ships»
Yván Torrent и Julie Elven — «Icarus»
Yván Torrent и Roger Berruezo — «Remember Me»
Gåte — «Sjåaren»
Beyond the Black — «Beautiful Lies»
Aquilo — «So Close To Magic»
Alex & Sierra — «Little Do You Know»
Motanka — «Verba»

Глава 1

Олимпия

Еще не рассвело, и в комнате царила тишина: ничто не нарушало покой спящей девушки. Она свернулась калачиком на шелковых простынях, а ее длинные, черные как смоль волосы блестящими волнами раскинулись по мягким подушкам. Вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетела Марсия, а за ней следом поспешали две служанки.

— Олимпия! — воскликнула женщина. В ее голосе слышались одновременно нотки паники и восторга. — Олимпия, вставай! Скорее!

Олимпия приоткрыла один глаз и недовольно заворчала: она слишком привыкла к постоянным капризам и сумасбродным причудам своей матери, чтобы тревожиться из-за ее столь внезапного и шумного вторжения. Досадливо поморщившись, девушка повернулась на другой бок, пытаясь спрятаться от света масляных ламп, которые держали в руках служанки. Увы, сон уже ушел, и на Олимпию нахлынули привычные, но от этого не менее мрачные мысли о грядущем дне — несомненно, он станет таким же унылым и скучным, как все предыдущие. Интересно, с чего это мать пребывает в такой эйфории?

— Олимпия, — повторила Марсия. — Ну же, по-торопливайся!

— Мама, — протянула девушка, крепче обнимая подушку — украшенную тонкой вышивкой, но немного потертую. — Имейте хотя бы каплю милосердия, дайте поспать. Ночь на дворе...

Очевидно, было наивно полагать, что Марсия откажется от своих грандиозных планов лишь потому, что ее дочь имеет что-то против. И все же попытка не пытка.

Девушку ухватили за плечо с такой силой, что тщательно наманикюренные ногти впились в тело. Марсия заставила дочь повернуться к яркому свету ламп — если уж мать что-то решила, никакие возражения и жалобы в расчет не принимались.

— Нельзя терять ни секунды, глупая девчонка! — яростно выпалила Марсия. Похоже, ее раздражение взяло верх над энтузиазмом. — Твоя подруга Септима вчера вечером серьезно заболела, и, только представь, верховный прелат Фаустус услышал, как ты в последнее время стараешься, а также узнал о твоём выдающемся благочестии. Тебя назначили в качестве замены Септимы, отныне ты будешь прислуживать за столом бога Эреба и его свиты! Как замечательно, не правда ли? Дитя мое, тебе дана неслыханная возможность! Людям со столь низким положением, как у нас, такая удача выпадает лишь раз в жизни!

Такого порядка придерживались при всех дворах по всей Империи: божества сами выбирали себе слуг из числа знати. Занять одну из таких должностей считалось редкой удачей...

Олимпия резко приподнялась, опершись локтями о матрас, откинула лезущие в глаза темные пряди и живо воскликнула:

— Септима нездорова?

Всю ее сонливость как рукой сняло.

— Ты плохо слышишь? Дитя мое, ты теперь ежедневно будешь находиться рядом с одним из богов! Кроме того, верховный прелат Фаустус, всецело преданный своему служению, уже два месяца как овдовел. В другое время низшие аристократы вроде нас не могли бы и мечтать о подобной партии! Потом будешь оплакивать печальную участь своей подружки, а сейчас есть дела поважнее. На кону стоит будущее нашего дома!

С этими словами Марсия потянула девушку за руку и вытащила из постели, невзирая на сопротивление и слезы.

— У нас есть всего час, чтобы сделать тебя неотразимой, и, поверь мне, работа предстоит большая, — восклицала Марсия, подталкивая дочь к туалетному столику. Она силой заставила Олимпию сесть на табурет лицом к зеркалу. — Твоя черная грива просто отвратительна! Надеюсь, теперь-то ты жалеешь, что не дала мне обесцветить твои лохмы.

Нет, Олимпия ни капли об этом не жалела.

Даже если бы она была единственной придворной дамой при дворе Пепельной Луны, то и тогда не захотела бы ничего менять в своей внешности. У нее не было ни малейшего желания походить на богиню — это просто смешно.

Увы, нынешняя дворцовая мода была нелепа и не оставляла места никакой естественности: придворным дамам надлежало любыми средствами копировать черты, присущие божествам. Отсюда пудра, делающая кожу фарфорово-бледной, осветленные волосы, искусственные костные наросты на лбу, тонкие серебряные украшения или даже татуировки, имитирующие вены на лице, высоченные каблучки, тесные корсеты и пышные платья — вот далеко не полный

список того, что брали на вооружение придворные в Соборе.

Тем не менее Олимпия почти не протестовала, когда мать достала из шкафа парик из белокурых, блестящих волос — изначально это были локоны жительниц бедных кварталов, но нужда заставила босячек¹ отрезать свои лохмы и продать ради пропитания. Парик принадлежал самой Марсии: из-за постоянного многолетнего применения разъедающих осветлителей она почти полностью облысела.

— Сделай одолжение, надень это сегодня, — приказала мать не допускающим возражений тоном. — Никаких споров на сей счет я не потерплю. В будущем мы посмотрим, что можно сделать с этим твоим... досадным физическим недостатком.

— Хорошо, мама, — машинально ответила Олимпия, изо всех сил стараясь не кривиться от омерзения.

Конечно, волосы для парика промыли и обработали специальными средствами, чтобы получить безупречную прическу, но все же Олимпию подташнивало при мысли о том, что у нее на голове вились космы, состриженные с голов неизвестных плебеек.

Она безропотно сидела перед зеркалом, пока служанка стягивала ее собственные волосы в тугой пучок, потом покорно терпела, пока мать надевала ей на голову белоснежный парик. Отражение в зеркале сразу стало чужим, не похожим на Олимпию.

Затем служанки под чутким руководством матери покрыли лицо девушки толстым слоем свинцовых белил; таким же образом они поступили с ее шеей и даже руками. Глаза Олимпии подкрасили серебря-

¹ Босячка — опустившийся, обнищавший человек из деклассированных слоев общества, оборванец.

ным карандашом и наклеили на веки длинные серебристые ресницы, на лбу нарисовали фальшивые вены, губы покрыли карминово-красной помадой. Наконец девушку заставили встать, после чего на нее надели туфли с невероятно толстой подошвой, придающей ей роста. В этой обуви Олимпии казалось, будто она встала на ходули.

Бюст девушки безжалостно затянули в длинный корсет, достигающий до бедер и скрывающий лишние изгибы. Потом Олимпию заставили поднять руки, чтобы натянуть на девушку платье из воздушной ткани кремового цвета. Оно было таким легким, что сквозь него просвечивали очертания фигуры. Лиф с очень глубоким декольте был оформлен элегантными складками и держался лишь благодаря двум тонким бретелям, охватывающим плечи. Многослойная юбка ниспадала до пола, плавно расширяясь от талии книзу, а сзади оканчивалась небольшим шлейфом, зрительно вытягивавшим фигуру.

В подобных обстоятельствах радость матери казалась Олимпии неуместной, ведь здоровье ее подруги важнее возможности получить хорошую должность. Девушке хотелось бежать в квартиру Септимы, посидеть с ней и поддержать в беде, возможно, чем-то помочь. Вместо этого ей придется расшаркиваться перед богом, его свитой и перед верховным прелатом Фаустусом, этим старым дураком...

Что поделаешь, двор есть двор, и никому не позволено обсуждать приказы духовенства, ведь жрецы являются проводниками божественной воли. Олимпия лучше кого бы то ни было усвоила эту истину: десять лет назад простой спор с одним из жрецов стоил жизни ее дяде и всей его семье. Лишь ценой ловких ухищрений и долгих унижений Марсии удалось вместе с дочерью вернуться ко двору, в Собор.

Волевым усилием Олимпия заставила себя отбросить опасные мысли — чего доброго, их можно истолковать как мятежные и крамольные...

«Боги велики, боги чисты и справедливы. Боги велики, боги чисты и справедливы. Боги велики, боги чисты и справедливы...»

Олимпия мысленно повторяла эти слова всякий раз, когда ее начинали одолевать противоречивые идеи — а случалось это довольно часто. Скоро она войдет в ближайшее окружение бога Эреба. Мать права, это редкая удача, вот о чем сейчас нужно думать. Ей выпал шанс приблизиться к верховному прелату, каким бы он ни был, и попытаться его соблазнить, чтобы он на ней женился, она не в том положении, чтобы пренебрегать такой возможностью.

Если этот безумный план сработает, позорное пятно с их фамильной чести будет смыто навеки. Если Олимпия обретет такое положение, то она сама, ее мать, все их близкие, а также ее будущие дети до конца жизни будут защищены от всех опасностей. Они станут почти неприкосновенны, неуязвимы пред лицом заговоров, которые постоянно плетут придворные Пепельной Луны.

— Я рассчитываю на тебя, девочка моя, — заявила Марсия. Она критическим взглядом оглядела дочь, протянула было к ней руки, но тут же отдернула, боясь стереть слой белоснежной пудры с плеч девушки. — Будь достойна нашего дома и примени на деле все уроки, что я тебе давала. Отныне наше будущее целиком и полностью зависит от того, насколько хорошо ты разыграешь свои козыри: красоту и очарование.

Олимпия тяжело сглотнула. Ей совершенно не хотелось играть в эти игры. Однако она ответила:

— Я сделаю все возможное, чтобы раз и навсегда избавить нас от всех напастей, мама.

Марсия кивнула, явно довольная решением дочери. В ее глазах зажегся странный, тревожный огонек, граничащий с безумием — смесь надежды и алчности.

Олимпия неслась со всех ног — насколько позволяли ужасные туфли — в крыло Собора, в котором обитали большинство богов. Несколько раз ступни у нее подворачивались, каждую лестницу она преодолевала с огромным трудом, рискуя упасть. Вся взмыленная, она наконец добралась до покоев Эреба, где ее уже ждали. От потеков пота слой краски на ее лице, приклеившийся к коже, словно фарфоровая маска, потрескался.

Тяжело дыша, девушка осторожно промокнула щеки краем многослойной юбки, стараясь ее не испачкать. Потом дворецкий впустил ее в комнаты, предназначенные для персонала, обслуживающего божество.

Там уже собрались с дюжину юных девушек, происходивших из мелких дворянских родов: все они, как и Олимпия, были наряжены, напудрены, затянуты в корсеты. Все глядели на вновь прибывшую холодно, а некоторые — с нескрываемой враждебностью. Одна из них, самая высокая и сухопарая, проинструктировала Олимпию: ей надлежало забрать из столовой, где проходил завтрак, поднос с грязной посудой, а потом помыть тарелки в кухне. Таким образом, ей предстояло находиться в одном помещении с божеством совсем недолго.

Скрепя сердце Олимпия вошла в маленькую прихожую, смежную со столовой, и стала послушно ждать, когда настанет ее черед заходить внутрь. Она обмирала от страха.

Если Септима быстро поправится, вполне вероятно, Олимпии больше не представится такой возможности. Не важно, каким образом, но сегодня утром ее непременно должны заметить...

— Новенькая, пошевеливайся, твоя очередь! — резко отчеканила старшая дама. — Опустит голову и не смей смотреть на Его Высочество! Ясно?

Олимпия кивнула и быстро вошла в столовую, дрожа всем телом. Никогда еще она не удостоивалась чести приближаться к одному из богов. До сих пор ей удавалось увидеть членов императорской семьи лишь издали, мельком, во время приемов, на которые их с матерью не приглашали, так что ей приходилось стоять на галереях, предназначенных для публики, вместе с другими аристократами низшего ранга.

Войдя в комнату, Олимпия немедленно выпрямилась и выпятила грудь, как учила мать. Собирая тарелки, она опустила веки, чтобы ресницы грациозно трепетали, а сама сосредоточила все внимание на собравшихся за столом — вопреки наказу старшей дамы, являвшейся, по сути, одной из ее конкуренток.

Все придворные старались любой ценой подняться хотя бы на ступеньку выше во внутренней иерархии дворца, понравиться наиболее высокопоставленным жрецам и приблизиться к их божественным господам. Лишь это имело значение, только эта мысль занимала умы придворных. Это была цель всего их существования.

Единственная цель...

Для Олимпии это тоже стало главным устремлением, и сейчас ей выпал шанс осуществить свои намерения. Возможно, уникальный шанс.

Она старалась не смотреть на Эреба, хотя не заметить его было сложно — сидевший в центре стола бог возвышался над окружающими, словно гора. Светлые, почти белые волосы божества то и дело отливали фиолетовым, если свет падал на них под определенным углом; глаза цвета перламутра казались совершенно прозрачными и неестественно блестящими.

По обеим сторонам от бога разместились его свита — все придворные выглядели сытыми и сонными, тут и там журчали приглушенные разговоры. Следовало признать, что третий сын Ориона поднимался по утрам довольно рано, так что все члены его свиты тоже вынуждены были соблюдать такой режим. Верховный прелат — его легко можно было узнать по символам, вытатуированным на лице и богато расшитой тунике, — вытирал рот, очевидно, только что закончил набивать брюхо.

Приглядевшись, Олимпия поняла, что жрец не так уж и стар... Просто он был ужасно толстый: круглые щеки и двойной подбородок подрагивали, шея почти скрылась под мягкими складками жира, так что казалось, будто голова сразу переходит в плечи. Еще верховный прелат был краснолицым и рябым, так что даже многочисленные татуировки на лице не могли этого скрыть.

Взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз жреца остановился на Олимпии — именно этого она изначально и хотела, — потом скользнул ниже, задержавшись на глубоком декольте; на пухлой физиономии отразилось неприкрытое вожделение. Толстые, испачканные жиром губы священнослужителя скривились в неприятной полуулыбке, а в следующую секунду мир вокруг Олимпии перевернулся.

Высоченная платформа ее туфли зацепилась за край ковра, и девушка споткнулась, неловко взмахнув руками. Нагруженная подносом с посудой, она не смогла удержать равновесие и в итоге упала, растянувшись на полу во весь рост. Ее тело ударилось о пол с глухим стуком, а упавший поднос оглушительно загремел и задребезжал, вдобавок раздался предательский треск рвущейся ткани.

Олимпия запаниковала, кровь застучала у нее в висках. Она лежала, распростершись на полу, и боялась шевельнуться; колена и локти пульсировали от боли.

Может, если она закроет глаза и помолится изо всех сил, то исчезнет из этой комнаты?

Потом над ней грянули раскаты язвительного смеха.

Никто не поспешил ей на помощь, не попытался спасти ее из этой унижительной ситуации, никто даже не спросил, все ли с ней в порядке. Она стала объектом для шуток, посмешищем: развлечение для собравшихся за столом и горький урок для прислуживающих дам, ведь такое могло случиться с каждой придворной...

Олимпия уперлась ладонями в паркет, тут же поранив их об острые края разбитого фарфора, и попыталась подняться, дрожа от боли и стыда. Во время падения ее юбки задралась, обнажив обтянутую панталонами пятую точку, а драпировки на груди порвались. Девушка поспешно прикрыла грудь руками, задыхаясь от унижения. Сидевшие за столом захохотали еще громче, веселее и оскорбительнее.

— Какая у нас тут очаровательная акробатка! — иронически воскликнул Эреб. — Знаете, я люблю принимать подношения с утра пораньше...

Олимпия стояла, ни живая ни мертвая, не понимая, что делать дальше; из ссадин на ее локте и коленях текла кровь. Внезапно глаза бога сверкнули, и в тот же миг раны начало сильно жечь. Красные дорожки, стекавшие по коже Олимпии, вспенились, стали пузыриться, словно их прижигали раскаленным железом, и девушка пронзительно вскрикнула от боли. А еще через секунду кровь полностью испарилась, изошла жирным дымом, поглощенная, благодаря сверхъестественным способностям Эреба.

— Ваша... Ваша Божественность... — пробормотала Олимпия.

По ее лицу текли слезы. Она неловко сделала реверанс, вызвав новую порцию смешков и хохота, потом собрала несколько осколков тарелок и выбежала из столовой так быстро, как только позволяли дрожащие ноги в неудобных туфлях.

Ни одна из собравшихся за дверью девушек не проронила ни слова. Они лишь взирали на Олимпию с отвращением — было видно, что все они упиваются ее непристойным падением и позором, котрым она только что себя покрыла.

Олимпия вытерла мокрые щеки и изо всех сил постаралась не обращать внимания на боль: на руке и ногах остались ожоги. Она сумела оторвать кусок юбки, после чего прикрыла им грудь, заправив его под одну из бретелей. Затем девушка отправилась на кухню мыть посуду, предоставив остальным возможность закончить уборку.

От потрясения она плохо соображала, все было как в тумане. Кое-как справившись с посудой, она уже хотела потихоньку уйти, но у двери путь ей преградила старшая дама из группы прислуживавших за завтраком девиц.

— Верховный прелат Фаустус требует, чтобы сегодня после вечерней службы ты явилась в его личные покои, — сообщила она, сощурившись. Потом добавила: — Он имеет обыкновение сурово наказывать за недостойные поступки. Мы все можем подтвердить, насколько он ужасен в гневе. Однако твоя сегодняшняя выходка — это что-то из ряда вон выходящее. До сих пор еще никто не совершал такую серьезную ошибку, какую допустила сегодня ты. Я искренне надеюсь, что к завтрашнему утру ты еще будешь жива...

Глава 2

Сефиза

— Беги... Скорее... — тяжело дыша, прошептал Верлен.
Но почему?!

По какой причине этот молодой человек, которому я только что нанесла смертельный удар ножом, хочет, чтобы я как можно скорее убежала? Почему он желает спасти мою жизнь, в то время как я отнимаю его собственную?

Я так сильно сжимала рукоять ножа, что заболели пальцы. Клинок глубоко вошел в грудь Тени, пронзив его сердце, а я отчаянно цеплялась за рукоятку, от усилий дрожа всем телом.

Я ничего не могла с собой поделать: мои пальцы сами собой разжались, а рука Верлена безвольно упала на подлокотник кресла, его глаза цвета ночи потускнели. Красная, ядовитая кровь толчками вытекала из раны в груди юноши и бежала по моей ладони, такая горячая, что обжигала мне пальцы.

Мысли хаотично кружились у меня в голове.

Вне зависимости от пожеланий Верлена мне не выйти отсюда живой, теперь это ясно.

Впрочем, не важно, умру я или нет. Моя жизнь больше не имеет никакого значения...

В конце концов я исполнила свое предназначение. Теперь я могу спокойно умереть.

Вот только я не чувствовала ни сладкого покоя, ни малейшей капельки удовлетворения и облегчения, которые так жаждала получить.

Все эти размышления промелькнули в моем сознании за долю секунды. Однако мне казалось, будто прошла вечность с того мига, как я решилась действовать, и до мгновения, когда я ощутила раскаяние.

Меня затошнило.

Я стала расчетливой, безжалостной убийцей, а ведь до сих пор мне были ненавистны подобные деяния и все, кто их совершал.

Я только что казнила Тень.

«Нет, я убила Верлена».

Конечно, он один из богов, но лишь наполовину. Да, он мой злейший враг... а если начистоту, он всего лишь инструмент в руках главных злодеев.

Что если я ошиблась в выборе цели? Что если моя жертва — ведь я сейчас погубила свои душу и жизнь — принесена напрасно?

В Пепельной Луне всегда будет Палач. На должность Верлена назначат кого-нибудь. Теперь его место займет кто-то другой, только и всего...

Хуже того, я своими руками убила единственного человека в мире, способного исцелить этот мир от болезнетворного бесплодия, возродить его из пепла. Людям больше не нужно ждать чудесного мессии, который повел бы их в Зеленые Гавани: Верлен носил в себе ростки этого потерянного рая. Он мог все воссоздать, вернуть земле ее плодородную природу, свойственную ей в далеком прошлом.

Движимая жаждой мести, из чистого эгоизма я только что лишила все человечество последней надежды...

Во имя Небес, что же я натворила?!

От тоски и отчаяния я всхлипнула и непроизвольно сделала вдох...

Однако ничего не произошло.

Моя душа не отделилась от тела, никакая божественная сила ее не поглотила, и меня не объяло всепоглощающее желание совершить самоубийство.

Слишком поздно. Убив Верлена, я уничтожила и его мистические способности.

Охваченная смятением, я медленно вытаскивала клинок из груди юноши. При этом я неотрывно смотрела ему в глаза, отчаянно ища в них последний проблеск жизни. Я уже не понимала, кем стала, совершив подобный поступок: героиней или еще одним чудовищем в этом жестоком мире, где боги постоянно подталкивали людей к копированию собственных ужасных деяний — и им это удавалось!

Внезапно я выпала из времени и пространства, все вокруг закружилось...

Верлен находился на своем берегу реки: склонившись к воде, он опустил руку в поток между двумя льдинками и с серьезным видом ждал, что я повторю его жест. На его лице не было ни следа гнева или горечи: он глядел на меня выжидательно и немного растерянно.

Очевидно, действовать надо было быстро, и мне вдруг показалось очень важным не допустить промедления. Я поспешно опустилась на колени на покрытую снегом землю и погрузила пальцы в обжигающе-холодную волну. Это моя последняя возможность пережить сей странный феномен, мой последний шанс хотя бы что-то узнать о нашей с Верленом сверхъестественной связи. Через мгновение он перестанет существовать.

Мне нужно знать...

Я увидела наши отражения в одной из льдин, быстро плывущих по реке. Эти образы разительного отличались от тех, что я видела прежде...

Окружающий нас ландшафт стремительно изменился.

Я сидела на краю кровати, а рядом растянулся Верлен. От его носа, внутренней стороны локтя и груди тянулись странные прозрачные трубки, другие концы которых соединялись с какими-то диковинными машинами. Молодой человек ужасно похудел и, судя по изможденному лицу, уже долго и мучительно страдал.

В этой жизни его смерть тоже неизбежна. Кончина Верлена — лишь вопрос времени, и я это прекрасно осознавала. У меня было много времени, чтобы свыкнуться с этим, и все равно мысль о том, что он меня покинет, казалась невыносимой. Я никак не могла решиться потерять того, кого любила больше всего на свете.

Мы были вместе так недолго...

Пережили так мало счастливых моментов.

Несмотря ни на что, те несколько месяцев, что я провела рядом с ним, стали самыми счастливыми в моей жизни...

— Ты мог бы связаться с правительством Орбис Ностри и подать прошение о срочной репатриации для неотложной медицинской помощи, — попыталась я убедить его уже в который раз за этот месяц. — Тебя сразу же заберут и отвезут обратно. Тебя вылетчат в мгновение ока. Если ты вернешься домой, то выживешь...

Юноша поморщился, явно рассерженный тем, что я снова предлагаю это простое решение.

— Перестань, умоляю тебя... — слабым голосом проговорил он. — Я не хочу иметь ничего общего с этой страной. Я отказался от нее и не желаю туда возвращаться. Если я это сделаю, то не только навсегда утрачу гордость, но и буду разлучен с тобой до конца моих дней. Это невыносимо. Лучше умереть тысячу раз, чем жить вдали от тебя. Я сделал свой выбор, поэтому уважай его, прошу тебя.

Я вздохнула. На сердце у меня лежал тяжелый камень. Доводилось ли мне переживать такое горе в прошлом?

Нет, это чувство, это глубокое уныние ни с чем не сравнится. Трудно подобрать слова, чтобы его описать.

Я знала, что должна сделать. Какой бы невыносимой ни была для меня эта идея, нужно быть сильной — ради него. Вот только где взять смелость?

— Хочешь, чтобы это сделала я? — прошептала я.

Горло сжимали рыдания, и мой голос был едва слышен.

Юноша крепко сжал мою руку: очевидно, он собрал последние силы и вложил их в это движение.

— Я никогда не смогу попросить тебя о таком, Исмахан, — выдавил он, нахмурившись.

На его лице читалось смятение.

Карие глаза молодого человека заблестели, по впалой щеке покатались прозрачные слезы. Я нежно поцеловала его мокрую щеку, отчаянно стараясь не разрыдаться. Сейчас это совершенно ни к чему. Мне хотелось во что бы то ни стало сделать его последние минуты светлыми и безмятежными.

— Нет, об этом не может быть и речи, — возразил он на этот раз более решительно и попытался приподняться. — Не желаю взваливать на тебя такое бремя.

— А я не хочу, чтобы это делал кто-то посторонний, Люк.

Мы так долго использовали псевдонимы, к которым прибегали на собраниях — дабы сохранить наши личности в тайне, — что наши настоящие имена звучали непривычно.

Верлен / Люк стиснул зубы и на миг задумчиво прикрыл глаза. Потом коротко кивнул. Мне удалось его убедить.

— Раз так, хорошо. Из твоих рук мне даже смерть приятна... Я никогда не смогу тебя отблагодарить, любовь моя.

Он откинулся на подушку и с душераздирающим спокойствием наблюдал, как я готовлю шприц, содержимое которого положит конец с недавней его отвратительной агонии. Я сделала глубокий вдох, постаравшись набрать в легкие как можно больше воздуха. Затем я ввела эту жидкость в капельницу.

Наконец-то его муки закончатся.

Мне было больно. Так больно...

— Я очень тебя люблю, Сефиза, — с трудом выговорил молодой человек. Последние силы его покидали. — Я всегда буду с тобой... Всегда. Я помогу тебе завершить нашу работу. Что бы ни случилось, я так или иначе буду рядом с тобой. Клянусь тебе...

Я наклонилась, поцеловала его и с удивлением ощутила, как он целует меня в ответ.

А потом его губы замерли. Одна из машин, до сих пор издававшая ровные писклявые звуки, запищала на одной высокой ноте. Я прижала руку к животу, пытаюсь справиться с охватившим меня отчаянием, но оно давило на меня, причиняя невыносимую физическую боль.

И тогда я пронзительно закричала.

Потом еще раз.

Но никакие мои вопли не могли унять страшный огонь, жгущий меня изнутри и пожирающий мою душу и разум.

Слезы застилали мне взор.

В палату вбежали медсестры, и я поспешила схватить лежащий на прикроватной тумбочке маленький предмет.

Самая дорогая вещь на земле.

Бесценное сокровище, которое оставил мне Люк.

Глава 3

Сефиза

Я открыла глаза и снова оказалась в самом сердце Собора Вечности, в комнате Тени. Я все еще склонялась над ним, сжимая рукоятку кинжала.

Мое путешествие в другую реальность продлилось всего долю секунды.

Во имя всех преисподних, так значит, в том, ином мире я тоже убила Верлена?!

Не из гнева или мести, а из...

Из любви?

Кажется, это самое безумное видение из всех, что я успела увидеть, погружаясь в образы на льдинах реки, что текла по таинственному лабиринту.

Внезапно клинок выскользнул из моих пальцев, металл неприятно звякнул, ударившись о пол. Этот резкий, чистый звук подействовал на меня, как удар тока.

Я бросила быстрый взгляд на лицо Верлена. Казалось, все краски покинули его: кожа посерела, взгляд померк. Над юношей нависла тень смерти. Все кончено.

В этой реальности, в этом мире Верлена больше нет.

Или же...

Быть может, это еще не конец?..

Я ощутила слабый толчок, и по моим пальцам, прижатым к груди Верлена, потекла обжигающе-горячая струйка крови.

В следующие несколько минут мною руководил инстинкт, заслонивший все мои мысли, кроме одной.

Нелогичная, безрассудная мысль...

Меня охватила безумная, непонятная надежда.

Словно со стороны я наблюдала, как впиваюсь зубами себе в большой палец — туда, где плоть самая нежная и через кожу просвечивается тонкая синеватая венка. Тут же закапала кровь, и я поспешно прижала ладонь к ране Верлена.

Из моей груди вырвался глухой, душераздирающий стон, потому что я изо всех сил искала последние искры жизни, вытекающие из Верлена, и одновременно пыталась оттолкнуть темные когти смерти, холодные и беспощадные.

Я не хотела, чтобы Верлен умер.

После всего, что я совершила, дабы попасть сюда, после всего, что я пережила по его вине, я отчаянно, всем сердцем желала, чтобы этот человек жил...

Наверное, я совсем свихнулась!

Все эти странные видения лишили меня способности мыслить здраво и разъели мой разум — это очевидно. Тем не менее я продолжала... Я была полна решимости забрать обратно боль, которую только что причинила.

Нужно любой ценой исправить мою ошибку.

Потому что теперь я понимала: мой поступок — это ошибка.

Ничего не изменилось, однако теперь мне все казалось другим, и я не понимала, почему так вышло.

Меня пронзила острая боль — так было и в тот раз, когда я долго не могла исцелить раненого Хальфдана. Невидимый, всепоглощающий огонь охватил мое тело,

пытаясь меня испепелить. Ладонь сильно закололо, чувство покалывания распространилось по всей руке, а потом перешло на грудь, так что мне стало трудно дышать — незримая сила словно вынуждала меня разорвать контакт и отказаться от попыток вернуть Верлена.

Внезапно внутри меня словно что-то взорвалось, нечто невероятно мощное. Под воздействием этой яростной силы я чуть не отдернула руку от груди молодого человека, которого отчаянно пыталась спасти. Затем грудь Верлена под моими руками резко поднялась: его легкие заработали. Юноша сделал глубокий, хриплый вдох, со свистом втягивая в себя воздух, и его веки задрожали.

Я чувствовала, как под моими пальцами его плоть воссоздается заново, впитывает мою энергию, восполняя собственную, потерянную из-за смертельной раны. Еще я чувствовала, как его кровь изменяется, смешиваясь с моей, и превращается в чуть более плотную и чистую материю...

Становится иной.

Верлен лихорадочно стиснул мое запястье, наши взгляды встретились, и в его глазах мало-помалу появилась искра понимания. Вдруг его зрачки вспыхнули, сделавшись из черных золотистыми, а над его раной засветился странный янтарный ореол.

Наши ладони так крепко прижимались друг к другу, что, казалось, слились воедино...

Возможно, это из-за того, что моя и его кровь, такие разные, соединились?

Я опустила голову и осознала, что пятна крови, пропитавшие рубашку Верлена, окрасились в невероятный золотисто-красный цвет — удивительное и пугающее зрелище.

Свет делался с каждой секундой ярче, и вскоре уже освещал всю комнату, так что все вокруг заис-

крилось миллионом медно-красных оттенков, недоступных обычному человеческому зрению.

Окружающая нас обстановка виделась мне теперь очень ярко и отчетливо, и это явление ошеломило меня до глубины души. Внезапно я оказалась способна в мельчайших деталях разглядеть даже мельчайшую пылинку, парящую в воздухе. Вдобавок я могла видеть некие непостижимые, невещественные сущности: одна витала совсем рядом, вторая, более размытая и нестабильная, находилась в нескольких сотнях метров от нас — она спала или, что более вероятно, пребывала в бессознательном состоянии.

Я не знала, как именно называются эти образы, но предположила, что это дүхи — души людей, связанные с Верленом.

Я ощутила новую, невероятную силу, пронизывающую все мое существо. Меня переполняла такая мощь, что я не могла в полной мере оценить, насколько она велика.

Потом я заметила в центре комнаты какой-то прозрачный сгусток, нечто вроде облака пара, принявшего форму человеческой фигуры. У меня на глазах этот образ медленно обрел более четкие очертания, стал ярче...

В нескольких метрах от Верлена появилась женщина — она внимательно наблюдала за нами. Незнакомка протягивала ко мне руки в просящем, почти молитвенном жесте, на ее лице отражалось глубокое страдание.

Черты этого лица показались мне знакомыми...

Еще через пару секунд я наконец сообразила, что это мать Верлена. Умершая женщина, погибшая из-за нелепого несчастного случая, трагические подробности которого я видела в воспоминании юноши.

Глава 4

Верлен

Меня охватила боль.

Ужасная, испепеляющая, невыносимая... и в то же время освобождающая и спасительная.

Ибо я принимал ее с радостью.

Я решил никак не реагировать, поэтому позволил Сефизе сделать то, чего она так желала: поднес ей свою жизнь на блюдечке с голубой каемочкой.

Я был готов без колебаний заплатить эту цену в обмен на отпущение грехов. В конце концов, меня уже давно тяготило это бессмысленное существование, состоящее из одних только страданий — тех, что я практически ежедневно испытывал сам, и тех, что причинял другим.

Меня затягивало в глубокую тьму, я уже уплывал в этот омут, как вдруг передо мной появилось некое подобие туннеля, стены которого были нематериальными, — последний путь, ведущий нас обоих прямоком к загадочной реке, полной тайн. Я почти ничего не понял из необычного видения, открывшегося нам в очередном отражении, — разве лишь то, что и в той, иной реальности я покорно ждал, пока Сефиза меня прикончит...

Какая ирония: неужели этот печальный сюжет будет повторяться бесконечно? Очевидно, это окно показало нам с Сефизой другую возможную судьбу, в которой мы вместе проживаем похожие сцены, но с некоторыми изменениями, вроде обстоятельств и побуждений, которыми руководствовалась Сефиза, совершая свой поступок...

Затем меня окончательно поглотила чернота — как в видении, так и в реальном мире. На меня снизошли покой и облегчение — чувства, которые я так страстно желал обрести, но не мог. Не помню, сколько времени я провел в этом темном коридоре забвения, конец которого сулил мне вечную безмятежность.

Внезапно я почувствовал, как меня легонько тянет назад какая-то невидимая связь. Я сопротивлялся, не желая возвращаться с полпути, потому что понимал: если подчинюсь этому зову, на меня вновь обрушатся отчаяние и боль, которые заполнят меня до краев. Я этого не хотел.

Мало-помалу сила, зовущая меня обратно, становилась все настойчивее и ощутимее.

Потом я обернулся и понял, что в конце туннеля стоит Сефиза. Именно она пыталась вытащить меня из сладкого покоя, означавшего окончательную гибель. Несмотря на то что я успел далеко уйти по нематериальному коридору, я все еще находился в своей комнате, по-прежнему сидел в кресле, а Сефиза прижималась к моему неподвижному телу.

Рука девушки покоилась на моей окровавленной груди, и я вдруг испытал непреодолимое желание вернуться к ней. Даже не желание, а насущную необходимость...

Раз Сефиза зовет меня обратно, раз пытается меня оживить, значит, нужно подчиниться ее просьбе, вернуться и лицом к лицу встретиться с неприглядной

действительностью. Снова жить в мире, в котором я был мерзостью, чудовищем, казнившим родителей этой девушки. Вдобавок на мне лежит часть ответственности за то отвратительное наказание, лишившее ее части самой себя, — ведь ее рука и нога заменены металлическими протезами.

И все же в моей душе забрезжила безумная надежда. Она дала мне силы еще раз вынести чудовищное жжение зияющей раны, разорвавшей мое сердце, а также более страшной раны, разбередившей мою душу.

Тьма вокруг меня постепенно рассеивалась и в конце концов окончательно отступила. Я снова увидел привычную обстановку своей комнаты и склоняющееся надо мной лицо Сефизы — оно находилось совсем близко от моего лица...

По щекам девушки текли слезы, она вглядывалась в мои глаза, и в ее зрачках я различил боль, страх, непонимание и еще целую гамму противоречивых, не поддающихся описанию чувств. От ее ладони, прижатой к моей груди, исходило покалывание, как будто она посылала в мою плоть тысячи невидимых игл. Но, как ни странно, я нуждался в этой живительной боли.

Боль, пожирившая мою грудную клетку, медленно, но уверенно отхлынула, осталось только неприятное покалывание. Наконец это ощущение сосредоточилось в одном месте — там, куда незадолго до этого вошло острие ножа.

Чувство покалывания усилилось, и я окончательно уверился в том, что все происходящее сейчас со мной неестественно и ненормально...

Как простое прикосновение могло оказать такое воздействие? Что именно произошло? Почему мне кажется, будто моя рана — несомненно, смертель-

ная — затягивается, словно Сефиза и не вонзала мне нож в грудь?

Кроме того, ядовитые пары моей крови уже давно должны были ее убить. Как ей удалось сопротивляться моей силе и сохранить свою душу нетронутой, ведь мой яд разлился прямо перед ней?

Я непроизвольно схватил девушку за запястье и крепко сжал, не понимая, хочу ли оттолкнуть ее подальше от себя и той опасности, которую для нее представляю, или, наоборот, продлить это мгновение и еще сильнее напитаться исходившей от нее удивительной энергией, в которой я так сильно нуждался...

Над нашими руками загорелся неземной, золотистый свет: он становился все ярче и в конце концов заполнил всю комнату. Сила внутри меня разрасталась, пела, наполняя меня неведомой доселе мощью.

Я понятия не имел, что происходит, но в то же время не сомневался: все случившееся имеет глубокий смысл, прямо сейчас открываются миллионы дверей, вход в которые обычно был для меня невозможен.

Потом я почувствовал, как душа моей матери бьется внутри моего черепа, а потом увидел вторую душу — странная, удивительно скованная и неполная, расплывчатая, она цеплялась за меня, однако до сих пор я не осознавал ее присутствие. Почему я не предал земле эту сущность, ведущую себя так странно и к которой я не имел никакого отношения? Возможно, я не заметил ее, потому что во время последней казни поглотил слишком много душ?

Как бы то ни было, я попытался образумить душу матери и вновь погрузить ее в сон. Однако ее призывал кто-то другой, чьи приказы возобладали над моими.

Приказы Сефизы, внезапно завладевшей моими способностями...

Девушка повернулась к центру комнаты, туда, где витал бесплотный дух, и я понял: она, как и я, видит душу моей матери.

Мне постоянно приходилось прикладывать усилия — и с годами это настолько вошло в привычку, что я перестал отдавать себе в этом отчет, — чтобы держать душу матери рядом с собой, поддерживать в ней это подобие жизни. Сефиза в любую секунду могла погасить слабую искру, поддерживавшую существование этой души, и отправить ее в небытие. Причем в таком случае душа моей матери даже не сможет уйти в землю оранжереи и обрести вторую жизнь, став растением...

— Не причиняй ей вреда, — прохрипел я, с трудом выговаривая слова. Говорить было больно. — Оставь ее в покое, Сефиза, умоляю тебя...

Девушка снова посмотрела на меня и озадаченно нахмурилась.

— Это... это твоя мать? — пролепетала она. По ее голосу можно было понять, что она растеряна. — Ты оставил ее при себе?

Я слабо кивнул, стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать Сефизу на необдуманные действия.

— Что происходит, Верлен? — воскликнула мать. На ее лице читалась паника. — Кто эта девушка? Во имя всех богов, неужели это твоя кровь на ноже?

Сефиза понурилась и опустила руку, кровь на ее запястье влажно блеснула. Было видно, что девушка совершенно растеряна.

Удивительное свечение погасло, комнату вновь заволочило предрассветным полумраком, и образ моей матери померк — она снова погрузилась в сон, как я того и хотел. Я снова вернул контроль над своими способностями, а двери в «неведомое» начали закрываться одна за другой.

Оглушенный и оторопевший, я силился понять, что же только что произошло; посмотрел на свою грудь — несколько минут назад в нее воткнули острый нож, оставив глубокую рану, пронзившую сердце. В рубашке зияла дыра, и эта прореха явно свидетельствовала о том, что удар был самым что ни на есть настоящим. Вот только вместо пятен крови на ткани остались следы золотисто-красной жидкости, густой и блестящей, точно расплавленное золото.

На лезвии лежащего на полу ножа поблескивало такое же вещество.

— Я не могу тебя убить... — выговорила Сефиза. Округлившимися от ужаса глазами она смотрела на свои ладони, тоже покрытые странной, поблескивающей жидкостью. — Я так этого хотела. Мне почти удалось. Ты почти умер, но... я не смогла.

Я заметил на большом пальце девушки глубокую ранку неправильной, полукруглой формы, похожую на след от укуса. Меня озарило.

— Так это ты, — пробормотал я. — Это ты меня вернула...

— Ты даже не защищался, — продолжала Сефиза. Очевидно, она еще не пришла в себя от потрясения. — Почему?!

Девушка подняла на меня глаза, и я утонул в расплавленной меди ее глаз.

— Ты меня исцелила... и ты противостояла воздействию моего яда, — прошептал я.

Случившееся просто не укладывалось в голове. У людей нет таких способностей.

Сефиза только что совершила невозможное. Неужели она использовала собственную кровь, чтобы залечить мою рану? Немыслимо, невероятно...

Быть может, все дело в загадочной связи между нами?

— Кто же ты такая? — произнес я, медленно приподнимаясь, так что моя спина отлепилась от обитой бархатом спинки кресла.

Сефиза не шевельнулась, вероятно, даже не подумала отстраниться, все еще находясь под впечатлением от произошедшего. Она стояла совсем близко, ее колено упиралось в сиденье кресла, касаясь моего бедра, а ее грудь находилась всего в паре сантиметров от моего торса.

— Я больше не знаю, кто я, — прошептала она. В ее глазах искрилось неземное сияние — не такое яркое и ослепляющее, как давешний янтарный ореол. Похожий взгляд был у ее двойника из последнего видения. — Я больше не знаю, кто ты такой...

— Я... знал тебя раньше, — невнятно пробормотал я, медленно поднимая руку. Мне ужасно хотелось дотронуться до ее лица, как в ту секунду, когда она вонзила нож мне в сердце.

На гладком лбу девушки пролегла складка, из глаз потекли слезы, и она едва заметно кивнула — я с трудом уловил это движение. Кончики моих пальцев коснулись ее кожи, и в моей памяти вспыхнуло воспоминание из другой жизни: я касаюсь ее лица. Две реальности наложились одна на другую, образ девушки из другого мира и образ стоящей передо мной Сефизы слились в одно целое.

Сефиза часто заморгала и уставилась на меня с непередаваемым изумлением, растерянность в ее взгляде росла с каждой секундой.

Ее ладонь мягко скользнула по моей щеке, с губ сорвался вздох, в котором слышались страдание, печаль, ненависть и... нечто, похожее на желание — если, конечно, мне все это не почудилось с перепугу, ведь я только что заглянул в лицо смерти.

— Мы уже не те, что прежде, — прошептала Сефиза, словно убеждая сама себя. — Здесь мы никогда не сможем быть такими, какими были там...

Для меня же эта нерушимая, вечная связь осталась прежней: и в видениях, и в этом мире. Вот почему мне было так невыносимо видеть, как Сефиза страдает от рук моих легионеров в камере пыток. Вот почему несколько дней назад я так боялся, что она выбросится из окна.

Вот почему я предпочел смерть жизни в мире, где стал палачом ее родителей...

— Знаю, — пробормотал я.

Признание очевидного далось мне невероятно болезненно.

Не отдавая себе в этом отчета, я подался вперед и наклонился к девушке, а моя рука скользнула по ее шее. Мои пальцы двигались словно сами по себе, снова и снова поглаживая бархатистую кожу.

Сефиза вздрогнула, но не стала меня останавливать. Наоборот, запрокинула голову и быстро обняла меня за шею, как будто ею руководил некий необоримый инстинкт, возобладавший над разумом. Очевидно, преодолев неприязнь, которую она, несомненно, до сих пор ко мне питала, Сефиза сократила и без того небольшое расстояние между нами, так что ее приоткрытый рот оказался совсем близко от моего.

Наши дыхания перемешались, и это стало последней каплей.

Не знаю, как, не знаю, почему, но я полностью поддался своей человеческой природе и позволил ей управлять мною. Я впился своими губами в губы девушки с жадностью, которой не должен был испытывать; мне не терпелось ощутить шелк ее языка. От ее свежести у меня кружилась голова, а в душе пылали угли, грозящие спалить меня целиком.

Этот огонь разгорелся во мне из-за Сефизы, и лишь она одна могла его потушить — пугающее и в то же время изумительное чувство.

Ногти девушки впились в мой затылок, она прильнула ко мне всем телом, так что ее грудь оказалась притиснута к моему торсу. Я обхватил ее за талию, чтобы еще крепче сжать в объятиях; овладевшие мною невероятные ощущения сводили меня с ума.

Как тривиальное, примитивное действие может быть настолько головокружительным и прекрасным?

Ничто в мире не сравнится с поцелуем девушки, только что пытавшейся меня заколоть...

Я буду последним дураком, если поверю, что в эту секунду Сефиза испытывает хотя бы четверть того, что чувствую я сам. Глупо думать, что она настолько же искренна, как я, что, целуя меня, она не строит мне новую ловушку.

Вот только мне было все равно. Пусть делает со мной все, что пожелает, только бы продолжала меня целовать...

Внезапно в дверь моих покоев постучали, и Сефиза замерла, словно окаменев.

— Верлен? — раздался из прихожей голос Гефеста. Послышались торопливые шаги. — Верлен, с тобой все в порядке? Я...

В комнату ворвался мой брат и уставился на нас — а ведь мы все еще крепко сжимали друг друга в объятиях...

В мгновение ока все закончилось.

Наслаждение превратилось в пытку...

Лицо Сефизы искажилось от ужаса, она стремительно отпрыгнула от меня, потом скрестила руки на груди и обхватила себя за локти. Было видно, что она до глубины души огорчена. Трясаясь словно су-

хой лист, она медленно подняла руку и коснулась губ кончиками пальцев, словно не в силах поверить, что только что меня поцеловала.

— О нет... Нет, нет, нет... — пролепетала она, качая головой. После чего сделала шаг назад, потом еще один. — Я больше не могу здесь оставаться... Я должна вернуться домой, уйти отсюда как можно дальше... Как можно дальше от тебя!

Не в силах сдвинуться с места, я разрывался между непониманием и замешательством. Сефиза со всех ног бросилась к выходу.

Она прошла мимо Гефеста, даже не удостоив его взглядом — кажется, она едва его не толкнула, — и вылетела за порог. Очевидно, девушка не понимала скорых, неотвратимых последствий столь серьезного решения — или не желала о них думать.

— Проклятие, что еще ты натворил? — удивленно воскликнул мой сводный брат.

Я собрался с силами, чтобы встать: нужно во что бы то ни стало догнать девушку. Увы, на меня мгновенно накатили слабость и сильное головокружение, так что пришлось откинуться на спинку кресла, чтобы не упасть.

— У меня было предчувствие и я... ну... — пробормотал брат. Он выглядел необычайно смущенным — обычно ему это несвойственно — и крайне встревоженным. — Мне нужно было убедиться, что с тобой все в порядке. Но почему ты в таком состоянии? Неужели эта человеческая девчонка... причина тебе зло, Верлен?

Он подошел ко мне, поднял с пола нож и стал пристально изучать клинок, озадаченно хмурия брови.

— Нет, это пустяки, правда, — солгал я, взбешенный своей внезапной немощью. От слабости я едва мог переставлять ноги. — Мне нужно ее защитить.

Покинув мои покои, она рискует угодить в неприятности. Она в опасности...

— Прекрасно, я этим займусь, — заверил меня Гефест и раздраженно вздохнул. Потом повелительно — и слегка пренебрежительно — указал на меня пальцем. — Только предупреждаю, болван ты этакий: бегать за девушками — это нормально, но не вздумай выходить во дворец в таком виде. По странным пятнам на твоей одежде и последний болван догадается, что во дворце происходит нечто весьма странное.

Глава 5

Сефиза

Я во весь дух промчалась по длинной анфиладе залов, чтобы оказаться как можно дальше от Верлена. Нашла дверь, которую молодой человек показал мне накануне, когда мы шли в оранжерею, не колеблясь ни секунды, выбежала из этого проклятого места и очертя голову понеслась по основным помещениям дворца, чувствуя себя загнанной дичью в логове лютых хищников.

Свернув на первую попавшуюся лестницу, я поспешила вниз по ступенькам, почти не думая о том, что в любую минуту могу попасться на глаза стражникам или какому-то придворному, который тут же поднимет тревогу, обнаружив в самом сердце Собора Вечности невесть как проникшую сюда Залаганную.

Меня сейчас вырвет...

Нет, правда, я чувствовала тошноту.

Я не смогла довести до конца дело всей своей жизни, не сумела убить Тень — наоборот, спасла его в тот самый момент, когда он уже выпускал дух.

Я знала, почему сделала это, почему поступила именно так и решила вырвать Верлена из лап смер-

ти. Чудо, которое он носил в себе, гораздо важнее и значимее моей жажды мести.

Мне пришлось трезво оценить этот факт, взглянуть в лицо правде и отступить — только и всего.

В каком-то смысле я испытала облегчение, поняв, что, несмотря на боль и сверхъестественное противодействие, сумела вылечить такую серьезную рану.

Однако было бы нечестно утверждать, что я вернула Верлена к жизни из чистого альтруизма, исключительно ради того, чтобы он исполнил свое предназначение (не может быть, чтобы такой дар был ниспослан ему просто так) и исцелил планету от предначертанной ей агонии. Определенные чувства, которые я предпочла бы и дальше не замечать, несомненно, просочились вслед за мной из тех проклятых видений и повлияли на мои поступки.

Именно эти ложные эмоции — совершенно гнусные и грязные — на миг заставили меня потерять голову и толкнули в объятия Тени...

При мысли об этом я принялась ожесточенно вытирать рот тыльной стороной ладони и скривила губы, пытаясь убедить себя в том, что испытываю лишь безмерное омерзение. В итоге я оступилась и чуть не свалилась с лестницы. Как глупо...

К счастью, я сумела устоять на ногах и побежала дальше, почти не сбавив темпа. Нужно как можно скорее убраться отсюда, покинуть этот проклятый дворец! Пусть даже меня заметят, схватят и бросят в самую темную камеру темницы, где мне предстоит ждать скорой казни — или чего-то более страшного. Лучше тысячу раз умереть, чем признаться самой себе в том, что только что произошло...

Спустившись по лестнице, я оказалась на распутье: со всех сторон меня окружали другие лестницы и балконы, украшенные статуями. На секунду

я запаниковала и остановилась, не зная, куда бежать дальше.

В какую сторону мне следует идти, чтобы выбраться из этого отвратительного Собора, да еще не попавшись при этом на глаза его многочисленным обитателям?

«Спускайся».

И правда. Нужно спустаться дальше, добраться до самых нижних этажей, а там уж я найду какую-нибудь лазейку и выберусь наружу. После чего я наконец вернусь домой — или по крайней мере в то место, которое до сих пор называла домом...

«Ах, если бы все было так просто! Дурочка, ты совершенно свихнулась, теперь это очевидно...»

С самого начала у меня не было ни единого шанса выбраться отсюда живой, и я всегда это знала. Метрах в двадцати от меня, под огромным балконом, на котором я стояла, протянулась галерея колоссальных размеров. По ней прохаживались какие-то люди с очень бледными лицами, наряженные в разноцветные, богато расшитые одежды.

Я посмотрела в другую сторону и увидела жрецов в белых туниках — очевидно, они шли на утреннюю службу.

Дворец просыпался и оживал, с минуты на минуту он превратится в гигантский, гудящий улей.

Тем не менее, несмотря на риск быть раскрытой, я отказывалась сдаваться. Я верну свою жизнь или умру, третьего не дано. Я должна снова увидеть Хальфдана и попытаться его спасти, а если не получится, я буду пробовать снова и снова, пока не вылечу его или пока не испущу дух. Все что угодно — только бы больше ни на минуту не оставаться рядом с Верленом и не испытывать мерзкие и совершенно бредовые чувства, которые он заставляет меня переживать...

Я быстро отошла от балюстрады и прижалась

к стене, чтобы никто из проходивших по галерее придворных меня не заметил, а еще потому, что мне нужно было собраться с духом.

Во имя всех преисподних, какой кошмар: я только что поцеловала Первого Палача!

«Нет, я поцеловала Люка, замечательного человека, в которого была влюблена в том, другом мире...»

И все же именно Верлен сжимал меня в объятиях, именно он заставлял меня дрожать от удовольствия. Именно из-за его обжигающих губ и его хриплого, частого дыхания я вся тряслась. Именно в его шелковистые, мягкие волосы я с таким наслаждением запускала пальцы...

Ведь если я — это та девушка из другой реальности, эта Исмахан, то Верлен — это Люк...

Этот пугающий, сбивающий с толку парадокс настолько меня озадачил, что на несколько секунд я потеряла над собой контроль.

Я вдруг осознала, что невольно подняла руку и вновь коснулась своих губ, ища то удивительное тепло, что исходило от Верлена. Он словно заклеил меня каленым железом, оставил отпечаток на моей плоти, который теперь останется со мной навсегда. При мысли об этом я содрогнулась, но тревога на миг рассеялась, уступив место безумному томлению, с которым я всеми силами пыталась бороться.

Проклятие, что же я делаю?

«Поторопись! Вместо того чтобы грезить наяву, как последняя дура, надо срочно покинуть этот мерзкий дворец!»

Возможно, я сумею найти какое-то укромное местечко, где можно спрятаться и дожидаться ночи, а когда все уснут, попытаюсь отсюда сбежать.

Единственный способ выжить для меня — это оставаться незамеченной. Нужно просто забиться

в какой-то угол, куда никто не заходит, скрыться от посторонних глаз. В таком огромном здании наверняка найдется подходящее укрытие, ведь здесь все стены декорированы колоннами, повсюду всевозможные ниши, обрамленные лепниной...

Справа от меня раздались шаги, вырвав меня из задумчивости, так что я подпрыгнула от неожиданности и, не раздумывая, побежала в противоположную сторону. Мне на глаза попала очередная винтовая лестница, и я помчалась вниз, опустив голову.

Тяжело дыша, я преодолела последние ступеньки и оказалась в центре какого-то зала, полного людей, — это было что-то вроде форума, по которому ходили жрецы, придворные и слуги. Вместо того чтобы спрятаться, я угодила в самое пекло...

Я уже хотела повернуть обратно, как вдруг заметила тунику, украшенную богатой вышивкой. Облаченный в нее человек быстро шел прямо ко мне.

— Девушка Валенс! — воскликнул он, чем немедленно привлек внимание всех собравшихся в зале. — Нет, я, наверное, сплел! Что вы тут делаете?

Я медленно подняла голову и узнала одного из преподавателей Академии.

Онемев от ужаса, я постаралась унять дрожь и держаться с достоинством — хотя, по большому счету, оказалась в положении крысы, загнанной в смертельную ловушку. Я совершенно одна, и никто мне не поможет.

— Это священное место, и вы не имеете никакого права сюда входить! — рявкнул жрец, грубо хватая меня за плечо. Кроме того, как вы посмели прогулять занятия в прошлую субботу?! Где вы были? Вы что, пытались выдать себя за аристократку, чтобы тайком пробраться сюда и поглазеть? Вы, жалкая Залатанная, вырядились в платье, украденное у кого-то из

благородных, — смех да и только! Это уже переходит всякие границы!

— Я не прогуливала занятия! — непроизвольно вырвалось у меня. — Я...

Это очень глупо, но мне стало ужасно обидно из-за такой несправедливости: меня обвиняют в прогулах, а ведь до сих пор я ни разу не пропустила ни одного урока...

— Стража! — завопил преподаватель, задирая подбородок и ища взглядом солдат. — Стража, в Соборе посторонние! Скорее, схватите эту преступницу!

Я попыталась вырваться из его хватки, но к нам уже спешили трое легионеров в доспехах, очевидно, намереваясь меня скрутить.

Жрец прошептал мне на ухо тонким голосом, так и сочащимся злобным удовлетворением:

— Прогулы занятий в Академии, да еще и незаконное проникновение во дворец, и кража одежды дорого тебе обойдутся, грязная маленькая пария!¹ Тебе следовало сидеть тихо, молиться и радоваться тому, что тебе оставили жизнь, несмотря на то, кто ты есть...

¹ Пария — иноск.: отверженный, униженный, падший.

Глава 6

Сефиза

— Немедленно отпустите ее! — прогремел вдруг грозный голос, такой глубокий и звучный, что, казалось, он разнесся по всему дворцу, порождая эхо. — Вы совершаете страшную ошибку, поднимая руку на эту юную особу, уж поверьте!

Через толпу шел бог Гефест; он двигался со сверхъестественной скоростью, и отовсюду слышались изумленные и испуганные восклицания. Придворные в едином порыве расступились, давая божееству дорогу, и почтительно склонились.

В ту же секунду солдаты, уже протянувшие ко мне руки, вытянулись по стойке «смирно». Легионеры склонили головы в знак уважения и вперили взгляды в пол.

Прелат тоже отступил на шаг, глаза его округлились от ужаса. Потом он упал на колени.

Я вдруг сообразила, что единственная в зале не склонилась перед этим высоченным существом с очень белым, словно высеченным из мрамора лицом. Бог остановился прямо передо мной, разглядывая меня; в его серебристых глазах светилось нескрываемое любопытство.

Было очевидно: он импровизировал, разыгрывая эту сцену божественного гнева, вот только с какой целью и по какой причине... Загадка.

— Ваша... Ваша Божественность, поверьте... э-э-э... я не знал, что девица Валенс находится во дворце по вашему приказу, — пробулькал жрец. От его красноречия не осталось и следа, теперь он отчаянно пытался оправдаться. — Это одна из лучших учениц Академии священных искусств, и мы все очень тревожились из-за ее отсутствия. Я так переживал, и все остальные преподаватели тоже...

У меня непроизвольно дернулось веко. Надо же, какая трогательная забота!

Я никогда не была выдающейся ученицей и ни капли не сомневалась: мое отсутствие никак не повлияло на привычную жизнь Академии. Потом до меня дошло, что эти подробности сейчас не играют абсолютно никакой роли, что я по-прежнему стою на краю гибели и могу рухнуть в бездну от малейшего толчка. А надо мной тем временем висит острый топор, лезвие которого того и гляди опустится мне на голову. В любую минуту меня могут бросить в темницу, а потом приговорят к казни на Дереве пыток вместе с прочими осужденными на этой неделе.

Я вдруг вспомнила, что, как выяснилось, не восприимчива к яду, текущему в жилах Тени. В таком случае Палач не подарит мне легкой смерти, забрав мою душу перед казнью, и мне придется вкусить всю полноту мучений, висая на острых металлических шипах...

— Таковы правила, — продолжал служитель культа. Лицо его побагровело. — Разумеется, я собирался наложить наказание, предусмотренное для нерадивых учеников, только и всего.

— И совершили бы ошибку! — резко возразил Гефест. — Эта юная дама вовсе не прогульщица, она...

Он вдруг замолчал, повернул голову и посмотрел в сторону одной из боковых галерей — оттуда доносился звук поспешных шагов, постепенно заполнявший тишину зала.

Я в полной мере осознавала всю безвыходность ситуации, в которой оказалась.

Умру ли я или же вопреки всему сумею выбраться из этого осинового гнезда, где оказалась из-за своей импульсивности? Если мне удастся выйти отсюда живой, то что со мной будет дальше? Уж точно меня не отпустят домой, как бы отчаянно мне этого ни хотелось.

Это чудовище, ростом более трех метров, первый сын Ориона и высокопоставленный член правительства; неужели он действительно захочет спасти бедную простолюдинку — да к тому же Залатанную, — которую он совершенно не знает? Достаточно ли важны его отношения с Тенью, чтобы Гефест, в свою очередь, предложил мне помощь?

Неужели он не понял, что я только что едва не убила его брата? Что он подумал, увидев нас с Верленом вместе, притом что последний был весь в крови, а на полу лежал нож?

Я наконец проследила за взглядом Гефеста и, посмотрев на один из входов на форум, увидела в дверях высокую фигуру Верлена.

На секунду Тень замер на пороге, быстро окинул меня взглядом, не глядя мне в глаза, затем оглядел собрание; на его лице читались тревога и ошеломление — очевидно, увиденное его потрясло.

Одно лишь его присутствие повергало меня в жуткое смятение, причем гнев, отвращение и ненависть в моей душе боролись с надеждой, а также другими весьма противоречивыми чувствами, которым я не могла подобрать названия.

Очевидно, Верлену пришлось сменить рубашку —

теперь на его одежде не было странных пятен и про-
рехи от ножа — кроме того, он надел темно-синий
жилет, застегнутый лишь наполовину. Волосы моло-
дого человека по-прежнему пребывали в беспоряд-
ке, лицо осунулось и посерело, под глазами залегли
темные круги — последствия испытания, пережитого
по моей милости.

— Эта юная дама недавно стала официальной
фавориткой Первого Палача императора! — объявил
Гефест нравоучительным тоном, указывая на Тень.

Все собравшиеся в зале свидетели этой сцены
разразились изумленными восклицаниями, но охи
и ахи быстро стихли, сменившись шепотками. При-
дворные и жрецы недоуменно перешептывались,
и это назойливое жужжание стремительно распро-
странялось по залу.

Я едва не задохнулась от удивления и возмуще-
ния, а Верлен медленно повернулся и уставился на
бога, слегка приоткрыв рот и недовольно нахмурил
брови. Несколько секунд они молча сверлили друг
друга взглядами.

Затем Гефест слегка склонил голову набок и за-
явил обвиняющим тоном:

— Представляете, дорогой мой, этот безумец соби-
рался заковать в кандалы вашу протезе.

Верлен быстрым, нервным жестом провел пятер-
ней по волосам, словно пытался использовать эту
заминку, чтобы обдумать свои дальнейшие действия.
Потом он сделал каменное лицо, одновременно
мрачное и равнодушное.

Гефест, явно вознамерившись доиграть свою роль
до конца, вновь повернулся к коленопреклоненному
жрецу, скорчившемуся у его ног, и добавил:

— Надеюсь, ты осознаешь всю тяжесть своего про-
маха, прелат.

На скулах Верлена заиграли желваки; он сцепил руки за спиной и зашагал к нам, прожигая жреца убийственным взглядом.

— О, клянусь небесами, я же ничего не знал, господин Палач, уверяю вас! — заскулил жрец. От страха пред лицом внезапно нависшей над ним угрозы его покрытая татуировками физиономия из багровой стала фиолетовой.

Выступить против Тени императора, да еще так явно, на глазах у всего двора — это тяжкий грех.

Я же стояла, не в силах пошевелиться, оглушенная услышанным. Следует ли мне испытывать благодарность за то, что бог вытащил меня из этой передраги, или, напротив, оскорбиться? Теперь все королевство будет считать меня подстилкой Палача Пепельной Луны...

И чего теперь захочет от меня Верлен, после того как узнал все обо мне, о моем прошлом, о моей глубокой ненависти и... о моих способностях?

Теперь между нами все будет по-другому, в этом нет сомнений. Как изменится его отношение после того, что я осмелилась сделать? Планирует ли он заставить меня заплатить за тот удар ножом или не станет мстить в благодарность за чудесное исцеление, последовавшее после покушения?

А еще был тот проклятый поцелуй, о котором я отказывалась даже думать...

Я попыталась перехватить взгляд Верлена, надеясь получить ответы, но, к сожалению, не смогла встретиться с ним глазами. Меня посетило неприятное ощущение, что молодой человек намеренно на меня не смотрит, не желая видеть свою убийцу — коей я являлась и в этом мире, и в иной реальности.

Внезапно стражники пришли в движение: подняли головы и вытянулись по струнке перед своим

господином, Первым Палачом, готовые выполнить любой его приказ.

По форуму начали распространяться волны страха — возможно, таким образом Тень пытался отвлечь от меня всеобщее внимание. Ужас коснулся моего сердца, но не сжал его ледяными когтями, а полетел дальше, обрушившись на придворных.

Если Гефест очаровывал собравшихся своим выдающимся ростом и божественной аурой, то Верлен наводил на окружающих ужас.

Глава 7

Сефиза

Верлен находился всего в паре метров от меня.

И все же мою грудь словно сжимали тисками, легким недоставало воздуха. Близость молодого человека была для меня мучительна: в голове билась настойчивая мысль — именно он виновен в смерти моих родителей, и при этом в его руках спасение всего человечества, а еще...

Еще это Люк, человек из видений, который предпочел смерть жизни вдали от меня.

Меня так и подмывало бежать, забыть все, что мне пришлось пережить в этом проклятом Соборе и снова стать той, кем я была до появления в моей жизни Верлена. Из-за него поколебались основы всего, во что я верила раньше.

Увы, выхода у меня не было, я загнана в угол. Если я сейчас попытаюсь опровергнуть нелепое и абсолютно клеветническое заявление Гефеста, моя судьба изменится во мгновение ока. Придется отказаться от попыток сбежать: нужно сосредоточиться на выживании, играть в предложенную мне игру, какой бы возмутительной она ни была, и смириться с положением пленницы Тени.

Честно говоря, я была так измучена, что мне надоело ежесекундно ждать смерти; я устала взвешивать каждое свое слово, каждый жест и поступок. Мне ужасно хотелось снова увидеть Хальфдана, Лотара, Залатанных сирот...

Мне просто хотелось жить.

— Ничего страшного не произошло, — через силу проговорила я, справившись наконец с паникой, лишившей меня дара речи. — Все хорошо...

Верлен коротко кивнул, не сводя мрачного взгляда с перепуганного жреца, — он явно понял мой намек.

Я сама угодила в эту смертельно опасную ситуацию, поэтому не хотела, чтобы этот человек — несомненно, не в меру усердный и скорый на расправу — заплатил за мою глупость вместо меня. В конце концов, он ведь просто выполнял свою работу.

Я прекрасно помнила, как Верлен обошелся со стражниками, притащившими меня в камеру пыток. Ни за что на свете мне не хотелось, чтобы та жуткая сцена повторилась.

— На этот раз я не стану строго карать тебя за твой проступок, — холодно процедил Верлен. Я еще никогда не слышала, чтобы он говорил таким неприятным тоном. — Встань, представление слишком затянулось. Вернись к своим обязанностям. И чтобы я больше никогда не видел, что ты неуважительно относишься к этой девушке! Ясно?

— Да, господин Палач! Тысяча извинений! — бессвязно забормотал жрец, тяжело поднимаясь на ноги. — Я так сожалею, что оскорбил вас и вашу фаворитку. Если я могу быть вам чем-то полезен...

— Несомненно, ты можешь предложить какую-то компенсацию в качестве возмещения ущерба, — вклинился Гефест, задумчиво потирая подбородок. Я заметила, как Верлен тихо, раздраженно вздохнул. — Итак,

посмотрим. Барышня ведь у нас музицирует, не так ли? Не найдется ли при дворе место, достойное столь выдающейся исполнительницы?

— Кхм... да... да, действительно, у нас в оркестре только что освободилась должность Первой Скрипки! — с вымученным энтузиазмом подхватил жрец. Скорее всего, он только что придумал это «удачное стечение обстоятельств». — Если вам это угодно, комитет и я сам с радостью определим на это место госпожу Валенс. Она блестящая скрипачка и обладает всеми необходимыми для этой роли качествами, в этом нет сомнений.

Что до меня, то я очень в этом сомневалась...

У меня разыгралось воображение или дело принимает все более странный оборот?

Верлен вдруг моргнул и бросил на меня быстрый, потрясенный взгляд, причем в его глазах промелькнули боль и крайнее волнение — он явно понял, что означают последние слова жреца.

Верлен — это мой загадочный музыкант, будь он неладен, теперь я вынуждена это признать.

А я — та самая скрипачка, что подыгрывала ему по ночам на протяжении нескольких лет. Отныне он тоже это знает.

Именно его музыку доносил до нас ветер в видениях, когда мы оказывались в фантазмагорическом, заснеженном мире таинственного лабиринта. Именно музыка свела нас вместе задолго до того злополучного вечера, когда я имела глупость бросить ему вызов в темном переулке, задолго до того, как мы обнаружили эту странную связь между нами...

Гефест кашлянул и снова заговорил, вынудив Верлена повернуться ко мне:

— Полагаю, это меньшее, что вы можете сделать. Думаю, еще следует предложить даме подходящие

покои. Удобные комнаты, удачно расположенные. Разве я неправ, прелат?

— О, да... Да, разумеется, — поспешно согласился жрец, пряча трясущиеся руки в широкие рукава своего одеяния.

Верлен явно хотел возразить, но предпочел промолчать.

— Ну вот, все и улажено! — одобрительно воскликнул Гефест, хлопая в ладоши. — Теперь комитет позаботится о госпоже Валенс, дабы достойно разместить ее в соответствии с ее новым положением, а мы с Первым Палачом отправляемся в тронный зал, где нас уже ждут. Дорогие мои, любезные придворные, мне очень жаль, но представление окончено. Всем спасибо, можете возвращаться к своим обязанностям! Позднее все вы сможете насладиться блистательной игрой нашей новой очаровательной Первой Скрипки!

Взоры всех присутствующих обратились ко мне, и лишь теперь я осознала, что Гефест говорил обо мне.

Я только что присоединилась к лучшему оркестру в королевстве, придворному оркестру Пепельной Луны, причем сделала это самым грязным и нечестным способом.

Проклятие, как я до такого докатилась?

Я окинула взглядом толпу — море накрашенных лиц, повсюду выбеленные волосы — и лишь теперь поняла, как странно выглядят все эти люди. Все глядели в мою сторону с любопытством и опасением, словно хотели получше меня запомнить, чтобы потом рассказать остальным о случившемся. Лично я не смогла бы описать словами все произошедшее со мной.

Наконец народ начал расходиться, тихо, боязливо переговариваясь.

— Я позабочусь о вашей протее, даю вам слово, — пообещал жрец, кланяясь Тени и богу механики.

— Это в твоих же интересах, прелат, — надменно ответил Гефест, глядя на служителя культа сверху вниз.

После чего он тронул Верлена за плечо и жестом предложил ему следовать за собой. Молодой человек плотно сжал губы, на его скулах опять заиграли желваки — очевидно, его не удовлетворило предложенное решение. Тем не менее он повиновался и ушел, оставив меня посреди форума в компании моего преподавателя, всего пару минут назад сулившего мне скорую и страшную кару...

— О, проклятие! — выдохнул жрец, хватаясь за сердце.

Он вытащил из кармана туники кружевной платок и промокнул взмокшие виски; казалось, он того и гляди упадет в обморок. К нему подбежали трое других жрецов и поддержали — правда, сделали это не сразу, дождавшись, пока большая часть придворных покинет зал.

Ни один из них не заговорил со мной и даже не взглянул на меня. Они выглядели настолько перепуганными, словно от меня тоже исходила ужасная опасность.

Я вдруг почувствовала себя до боли одинокой и потерянной, и в душе снова шевельнулась тревога.

Что мне теперь делать? Как выпутаться из сложившейся ситуации, как выживать в этом месте, где я никого не знаю, кроме Верлена? Гефест нарочно нас разделил? Сознательно бросил меня в среду придворных, чтобы дать мне некую свободу действий? Кому именно помогал этот мутный бог: своему брату или мне?

Вдалеке я заметила Верлена: привстав на цыпочки, он что-то шептал на ухо склонившемуся к нему богу. Юноша в последний раз взглянул на меня: в его темных глазах читалась горечь. Потом он ушел по коридору вслед за своим братом и скрылся из виду.

— Нужно немедленно уволить Альвина, — прошептал мой бывший преподаватель, обращаясь к своим товарищам. — И еще прикажите семье Асилиус переехать. Из всех придворных только они принадлежат к мелкому дворянству, однако живут на одном этаже с Первым Палачом...

Глава 8

Гефест

Гефест устало отвел взгляд от бедняги — широкоплечий шахтер едва помещался на слишком узких для него носилках. Бог глубоко, досадливо вздохнул, потом задернул занавеску: пусть человек, которого он только что прооперировал, получит хотя бы видимость уединения в последние часы своей жизни.

Этот человек будет избавлен от всеобщего поношения и унижений, которым он, несомненно, подвергся бы после проведенной операции. По сути, можно сказать, что ему повезло, раз он не переживет эту процедуру.

Во всяком случае, Гефест повторял это про себя снова и снова, вытирая кровь с инструментов, которыми только что манипулировал.

Сегодня он снова предпринял новую попытку и выгравировал совершенно новые руны собственного изобретения на внутренней стороне механической руки — предполагалось, что они наделят ее носителя способностями, не доступными обычным людям. Однако заключенная в металле магия возымела неподвиженные последствия, и тело безвестного

шахтера отреагировало очень плохо. Человек не выживет — теперь это уже очевидно.

— Ваша Божественность, вы желаете, чтобы мы передали Залатанного легионерам, как только он придет в себя, дабы его доставили к нему домой? — спросил один из ассистентов Гефеста.

— В этом не будет необходимости, Лагос, нет смысла гонять дежурных солдат туда-сюда. Лучше известите траурный зал: завтра пусть будут готовы забрать еще один труп.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. Мне вызвать бригаду уборщиков сейчас или вы сегодня вечером еще поработаете?

— Я останусь в мастерской, — решил Гефест. — Скажите им прийти после полуночи, а до тех пор пусть никто меня не беспокоит.

— Как прикажете, Ваша Божественность, — ответил Лагос.

Помощник удалился, оставив Гефеста одного в этом проклятом, лишенном окон зале, в котором бог проводил бóльшую часть времени — если, конечно, отец не отправлял его с заданиями в разные уголки Империи. Гефест порылся в шкафу, достал старый образец ножного протеза, положил на стол и принялся разбирать на составляющие, намереваясь в очередной раз внести изменения в механизм.

В настоящее время он бился над неразрешимой проблемой: раз за разом пытался применить чары, наложенные на протезы для юных оперируемых, чьи тела продолжали расти, к базовым моделям, предназначенным для взрослых.

Увы, до сих пор его преследовали неудачи...

Внезапно за дверью мастерской послышался непривычный шум.

— Господин, мне очень жаль, но вы... вы не можете... — запинаясь, бормотал Лагос. — Господин!

Створки двойных дверей распахнулись, словно от удара, и с громким стуком ударились о стены. В дверном проеме появился Верлен, причем выглядел он как никогда злым.

— Выйдите! — приказал он ассистенту Гефеста.

Лагос вопросительно посмотрел на бога, своего непосредственного начальника, и тот коротко кивнул, заранее утомленный сценой, которая вот-вот разразится.

Лагос не заставил себя упрашивать и поспешно удалился, оставив Гефеста и Верлена наедине.

— А теперь ты мне объяснишь, почему сегодня утром устроил этот фарс! — задыхаясь от ярости прошипел молодой человек, наставив на сводного брата указательный палец, тем самым обвиняя его. Можно подумать, он обращался не к божеству, а к простому солдату.

— Для начала сбавь тон, ты, грязный карлик с атрофированным мозгом! — огрызнулся бог и рефлексивно выставил перед собой открытую ладонь, чтобы, если придется, отправить зарвавшегося молокососа в полет через всю комнату и впечатать в противоположную стену. — С кем, по-твоему, ты разговариваешь?

Тут Гефест вспомнил их с Верленом последнюю стычку, а также несколько умерших придворных, погибших из-за его необдуманных действий. Он ведь только что обрек на скорую гибель несчастного пациента, ставшего жертвой неудачного эксперимента. Хватит на сегодня смертей...

Гефест опустил руку, и Верлен язвительно процедил, демонстрируя полное отсутствие страха:

— Я смотрю, ты включил в свой репертуар новое

обидное прозвище — давно пора. Правда, когда дело доходит до оскорблений, мы с тобой ходим по кругу, не находишь?

Гефест сдержался и промолчал, хотя ему очень хотелось доказать самовлюбленному идиоту, что он легко может его переплюнуть по части выдумывания оригинальных оскорблений и обидных кличек. Он с сожалением отбросил эту мысль и лишь пожал плечами. По правде говоря, Гефест уже не испытывал прежнего жгучего желания постоянно вредить младшему брату и унижать его — возможно, он изначально составил о Верлене предвзятое, неверное мнение.

В сущности, что он знает об этом юноше?

— Почему ты это сделал? — снова спросил Верлен, на этот раз чуть спокойнее. Он сжал переносицу большим и указательным пальцами и крепко зажмурился. — Моя официальная фаворитка? Да ты просто свихнулся!

У них обоих выдался долгий и трудный день. Гефест с утра работал без передышки, с головой погружившись в исследования, а Верлену пришлось по приказу Ориона прочесывать город в поисках новых крамольных рисунков. У них еще не было возможности обсудить случившееся несколькими часами ранее и новое положение, в котором оказалась Сефиза с легкой руки Гефеста.

Бог ждал, что Верлен заявится и предъявит претензии, однако надеялся, что сводный брат по крайней мере выкажет хотя бы немного благодарности. Как ни крути, он спас жизнь девушке, ловко избавил от смертельной опасности, к тому же на глазах всего двора и духовенства, этих злобных гадюк.

— Не знаю, что удивило меня сильнее, когда я вошел к тебе в комнату сегодня на рассвете, — протянул Гефест, задумчиво помахивая рукой. — То, что твоя

протезе хотела тебя убить или пыталась задушить в объятиях... И все же, я полагаю, что не погрешу против истины, предположив, что эта девица — твоя возлюбленная. Ты хотя бы понимаешь, что именно это значит, Верлен? Знаешь, почему люди вступают в подобные контакты? Я, разумеется, говорю о поцелуе, а не об ударе ножом.

— Я тебя умоляю! — процедил Верлен сквозь зубы и закрыл глаза ладонями. Пальцы у него нервно подрагивали. — Разумеется, я это знаю! Все не так, как ты думаешь... Тут дело совершенно в другом. Это... очень сложно, вот и все.

— Да, похоже на то...

Пока что поведение сводного брата полностью подтверждало все предположения Гефеста, и бога это очень тревожило.

Прошлую ночь Гефест провел с Прозерпиной, пытаясь хотя бы немного успокоить ее после недавнего приступа. Тогда она сказала, что Верлену угрожает страшная опасность. Именно она потребовала, чтобы Гефест как можно скорее нашел сводного брата и убедился, что с ним все хорошо.

В данном случае Гефест не солгал: изначально он действительно не знал наверняка, уверена ли Прозерпина в том, что видела, или нет. Однако на рассвете явно случилось нечто странное: на полу в комнате Верлена лежал окровавленный нож, на рубашке последнего зияла дыра, а сам он был весь покрыт странной золотисто-красной жидкостью — все это определенно выходило за рамки понятия «норма».

Прозерпина дала Гефесту задание: любой ценой защитить Сефизу и его сводного брата — тот факт, что до сего момента Гефест ненавидел его всеми фибрами души, никакой роли не играл. Мало того что придется держать эту парочку как можно дальше от